

Рассоха И.Н.

УДК 22.015:223.1

О ВОЗМОЖНЫХ ФИНИКИЙСКИХ КОРНЯХ КНИГИ ИОВА

Анотація. Книга Иова - философский по сути текст, диалог о природе зла. Она менее всех других книг Ветхого Завета связана с собственно евреями по языку и по сюжету. В ней содержится много доказательств непосредственной связи с Финикией: упоминание о победоносном народном восстании, о природном равенстве всех людей, морские и астрономические сюжеты, а также прямые упоминания языческих богов Финикии.

Ключевые слова: Иов, Библия, Финикия, философия, Тир, Ас, революция рабов.

Анотація. Книга Иова - філософський по суті текст, діалог про природу зла. Вона мені всіх інших книг Старого Завіту пов'язана з власне євреями за мовою і за сюжетом. У ній міститься багато доказів безпосереднього зв'язку з Фінікією: згадка про переможне народне повстання, про природну рівність всіх людей, морські та астрономічні сюжети, а також прямі згадки язичницьких богів Фінікії.

Ключові слова: Іов, Біблія, Фінікія, філософія, Тир, Ас, революція рабів.

Summary. The Book of Job - essentially a philosophical text, a dialogue about the nature of evil. It is related in language and plot to the actual Jews less than all the other books of the Old Testament is. It contains much evidence of a direct connection with Phoenicia: the reference to the victorious popular insurrection, the idea of natural equality of all people, marine and astronomical themes, and direct references to the pagan gods of Phoenicia.

Keywords: Job, the Bible, Phoenicia, philosophy, Tyr, As, the revolution of slaves.

Книга Иова по форме и драматизму **философского диалога**, по актуальности философской проблематики (**о природе зла!**) не уступает лучшим диалогам Платона. Здесь жестко ставится проблема теодицеи (оправдания Бога): если Бог всемогущ, то Он не всеблаг; а если всеблаг, то не всемогущ. И на это дается единственный логически непротиворечивый ответ.

Суть проблемы, поставленной в Книге Иова - о справедливости Бога. Некий праведник Иов живет вполне счастливо. Вдруг Бог решил поставить над ним эксперимент: сохранит ли он свою веру в Него и в несчастье. По прямой воле Бога Иов лишился всего имущества и детей, а затем неизлечимо заболел. «И взял Иов черепок, чтобы соскребать с себя гной, и сел среди пепла». Его приходят утешить благочестивые друзья - Вилдад, Елифаз и Софар. Они доказывают, что Бог справедлив, но Иов убедительно им возражает. Он заявляет, что ему не в чем каяться перед Богом, что ничем в своей жизни он не заслужил своих несчастий, как и многие другие праведники. В то же время негодяи процветают, и Божья кара их не постигла. Иов требует от Бога справедливого суда и горько жалеет, что вообще родился на свет. Тут в разговор вступает молодой мудрец Елиуй (Элигу). Основная идея его горячей речи в том, что люди вообще не в силах постичь Бога, что требовать чего-либо от Бога - непростительное высокомерие. После этого из вихря к Иову обращается сам Бог. Сначала Он рассказывает о своем величии и ничтожестве человека, издевательски предлагая Иову померяться силами. Тот признает свою неправоту. Но затем Бог заявляет, что вообще-то Иов говорил о Нем более правдиво, чем его благочестивые друзья. Он соглашается их помиловать лишь по молитве Иова. Иов выздоравливает, снова богатеет и заводит новых детей. Итак, Бог всемогущ, но непознаваем, от него исходит и добро, и зло. И люди могут лишь просить у него милости, а не требовать от него справедливости. Дай Бог каждому из нас не очутиться в положении Иова на пепелище!

«Поэма о Иове – философская дискуссия о Боге. Основная часть Книги Иова, по существу, представляет собой философский спор между поборниками доктрины ортодоксального иудаизма, каким он сформировался в эпоху после плена, с одной стороны, и древними представителями иудейского свободомыслия – с другой. (...) Хотя Бог в поэме заставил Иова замолчать, а апостол Павел, можно сказать, предал анафеме, этот образ остался в памяти и истории человечества и продолжает жить как символ вечного конфликта между свободным человеческим разумом и слепой верой, между мирской мудростью и религиозной догмой. Этот образ сохранился еще и потому, что автор вложил в него глубочайший смысл: извечное стремление человечества к истине, даже если для этого необходимо отказаться от утешительных иллюзий» [1, с. 166, 239].

В отношении датировки Книги Иова существует большая путаница: «Книга Иова занимает место между книгами Есфирь и Псалтирью, но в еврейских Библиях она стоит между книгами Притчей и Песнь Песней; в Сирийских же между книгами Второзаконие и Иисуса Навина» [2, с. 349]. При этом датировка книги Иова неясна (4-5 вв. до н. э.?), а структура и становление текста в известном нам объеме представляет много нерешенных проблем; не исключено присутствие в составе книги более раннего материала и более поздних вставок... В талмудической литературе Иов служит предметом разноречивых суждений. По-разному определялось время книги Иова - от времен Авраама, Иакова или Моисея до времен Эсфири. Высказывалось также мнение, что повествование о нем - притча («машал»). По одной из версий, Иов своими силами познал Яхве, служил ему из любви, своей праведностью превзошел даже Авраама; в талмудическом трактате Сота 35а сообщается, что его смерть оплакивалась всем народом Израиля. По другому мнению (резко противоречащему тексту книги), он был врагом Израиля - языческим пророком, посоветовавшим фараону приказать повитухам убивать всех еврейских мальчиков; этим он будто бы и заслужил свои страдания (трактаты Сангедрин 106а и Сота 11а)... Земля Уц, названная родиной Иова, тождественна то ли арамейским областям на севере Заиорданья, то ли Хаурану, то ли Эдому; во всяком случае, Иов по крови и географической локализации настолько близок к иудейско-израильской сфере, чтобы входить (вместе с прочими персонажами книги Иова) в круг почитателей единого Бога, настолько и

далек от этой сферы, чтобы являть собою тип «человека вообще», образец как бы «естественной» праведности» [3].

«Исследователи считают, что словарь Книги Иова богаче, чем словарь любой другой книги Ветхого Завета. Но именно по этой причине читатель нередко сталкивается в ней со словами, которые встречены в Библии только однажды и, следовательно, значение которых сейчас можно определить только приблизительно, исходя из контекста или через сопоставление со словами других семитских языков – арабского, арамейского, аккадского, ассирийского. Помимо этого, в языке Книги Иова встречается множество заимствованных форм, особенно арамеизмов и арабизмов» [1, с. 27].

«Имя Иова упоминается в Библии еще в нескольких местах (см. Иез. 14:14, 20; Книга Иисуса сына Сирахова 49:19; Тов. 2:12, 15; Посл. Иак. 5:11) В книге Иезекииля Иов наряду с Ноем и Даниилом упоминается как древний мудрец, прославленный своей праведностью» [1, с. 85].

На протяжении более двух тысячелетий еврейская синагога и христианская церковь рекомендовали и рекомендуют это произведение как в высшей степени поучительное и утверждающее в вере, а герой на века стал эталоном, образцом праведника (см.: Иак. 5:10, 11) для последователей по крайней мере этих двух религий. И в то же едва ли какое-нибудь другое произведение из числа вошедших в Ветхий Завет вызвало столько разногласий и споров между экзегетами и критиками Библии. Споры продолжаются и в наши дни. Уже в V веке христианский епископ Федор Мопсуэтский учил, что Книга Иова – это просто литературное произведение, вроде греческой трагедии, которое сочинил некий автор, обладавший большими знаниями, но и не меньшим тщеславием, не слишком благочестивый и приписавший Иову речи, совершенно неподходящие для человека добродетельного и богобоязненного. Что касается еврейских средневековых комментаторов Библии, то расхождение между ними во взглядах на Книгу Иова, а тем более в оценке самого Иова просто поразительно. «В то время как одни рассматривали Иова как святого, - замечает по этому поводу американский библеист Н. Глетцер, - другие видят в нем скептика, бунтаря против Бога, или дуалиста, или человека, которому не хватало знаний, или последователя Аристотеля, который отрицал божественный промысел, или “козла отпущения”, или прототипа саббатнианского мессии и т. д.» [см.: 4, р.167]. Не меньше разногласий по поводу Книги Иова наблюдается у христианских богословов, а также у современных исследователей и критиков Библии [1, с. 146].

«Можно допустить, что автор поэмы об Иове был знаком с философской и религиозной литературой соседних народов – народов Египта, Вавилонии, еще более близких Финикии и Эдома. Следы этого знакомства можно, по мнению исследователей, обнаружить не только в идеях и диалогической форме поэмы, но и в языке, который включает ряд слов и даже целых выражений ионязычного происхождения... Может быть, иноземными влияниями в какой-то мере объясняется то, что в поэме о Иове очень мало национального колорита, настолько мало, что некоторые исследователи вообще отказываются признать в авторе иудея» [1, с. 172-173]. Во всяком случае, знакомство «с философской литературой Финикии» можно предполагать с уверенностью.

С. С. Аверинцев подчеркивал, что имя Яхве встречается лишь в авторской речи в начале и в конце книги (которая, скорее всего, и была позднейшей вставкой). Сами же действующие лица именуют Бога «Элохим», «Эл», «Эльон», «Шаддай» [5, с. 717]. Уже одно это свидетельствует о финикийских (т. е. ханаанских, а не еврейских) корнях книги, так же, как и указания на то, что Иов не имеет отношения к евреям, а даже мог быть враждебным им языческим пророком. Вопреки С. Аверинцеву, и в самом тексте книги Иова (т. е. в отредактированном его варианте!) можно найти, по крайней мере, четыре серьезных намека на ее первоначальный языческий характер. Во-первых, это текст: «(Бог) Умножает народы и истребляет их; рассеивает народы и собирает их. Отнимает ум у глав народа земли, и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути. Ощупью ходят они во тьме, без света; и шатаются, как пьяные» (12.23-25). Если в этом отрывке содержится намек на странствия в пустыне евреев во главе с Моисеем, то его трудно назвать доброжелательным.

Во-вторых, в конце книги в обращении Бога к Иову есть такие малопонятные слова: «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узлы Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?» (38.31-33). Ранее говорилось: «Он (Бог) один распростирает небеса, и ходит по высотам моря; сотворил Ас, Кесиль и Хима и тайники юга; делает великое, неисследимое и чудное без числа!» (9.8-10). Сюда в Синодальном переводе дается примечание: Ас, Кесиль и Хим - созвездия, соответствующие нынешним названиям: Медведицы, Ориона и Плеяд. С. Аверинцев переводит в соответствии с этим примечанием: «Он создал Медведицу, Кесиль, Семизвездье и домы южных планет (?!! - а где-то есть еще и северные планеты? - И. Р. - Скорее всего речь идет о красивых созвездиях Корабля Арга («Сокровищах Юга»), видимых лишь на южном небе [6])... Можешь ли ты связать узел Плеяд, оковы Кесиль разрешить? Выведешь ли зверей Зодиака в срок, поведешь ли Медведицу с ее детьми?» [5, с. 576, 619].

Даже если в первоначальном тексте действительно речь шла о созвездиях, то там очевидно упоминались некие связанные с ними языческие мифы: если у Небесной Медведицы *Ас* были *дети*, то она явно была божеством. Но в более позднем отрывке речь идет об установлении «уставов неба» на земле, что можно связать с астрологией, т. е. скорее с планетами, чем с созвездиями. Иов - семит, но не еврей; а все прочие семитские народы особо почитали планету Венеру - как богиню любви *Астарту*. В другом отрывке *Ас* выступает в контексте не только с небом, но и с «высотами моря». Богиня моря и в то же время

ипостась богини солнца, «мать богов и людей» - семитская богиня *Асират*, супруга верховного бога семитов Эла [7, т. 1, с. 113, 115-116]. В любом случае упоминание Ас естественно именно для языческого пророка.

Образы *морских чудовищ*, известных под именами Рахав, Таннин, Левиафан (3:8, 7:12, 9:13, 40-41), вероятно, тоже связаны с древними финикийскими и в целом языческими семитскими мифами, в том числе о Боге-творце, который в начале времен победил морских чудовищ. После победы Бог запер море воротами и засовами, взял его под стражу (Иов. 38:8) [1, с. 92].

В-третьих, это четкое оправдание *астрологии* (38:33): «Знаешь ли ты законы неба, ты ли установил его власть над землей?» – «Имеется в виду, по-видимому, влияние созвездий на происходящее на земле» [1, с. 78, 140].

И, в-четвертых, это прямое указание на существование множества богов (41:17): «Когда он (Левиафан) поднимается, *трепещут боги*, (страхом) сломленные теряются». Причем так оставлено и в современной еврейской (масоретской) Библии [1, с. 82, 144].

Но где доказательства, что Книга Иова написана именно финикийцем, а не, скажем, арамеом или моавитянином? - В тексте этому есть много косвенных доказательств. Особенно характерна в этом отношении речь четвертого собеседника Иова - Элиуя (Элиу, сын Барак-Эля, из рода Буз, из племени Рам). Можно предположить, что под этим именем (или скорее псевдонимом) скрывается сам автор первоначального ядра текста. Во-первых, его объяснение, почему его нужно выслушать, передает духовную атмосферу, скорее близкую к греческим софистам, чем к пророкам Старого порядка: «Дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение. Не многолетние мудры, и не старики разумеют правду (32.8-9)... Слова мои точно не ложь; пред тобою совершенный в познаниях (36.4)».

Во-вторых, в его речи также содержится прямое указание на некую *народную революцию*: «Можно ли сказать царю: «ты - нечестивец», и князьям: «вы - беззаконники»? Но Он (Бог) не смотрит и на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они дело рук Его. Внезапно они умирают; среди ночи народ возмутится, и они исчезают; и *сильных изгоняют не силою*... Он сокрушает сильных без исследования, и поставляет других на их места; потому что Он делает известными дела их и низлагает их ночью, и они истребляются. Он поражает их, как беззаконных людей, пред глазами других, за то, что они отвратились от Него и не уразумели всех путей Его, так что дошел до Него вопль бедных, и он услышал стелание угнетенных» (34.18-20, 24-28).

Напомним известие Юстина о победоносном восстании рабов в Тире: «Тирянам пришлось претерпеть унижительные мучения от своих рабов, ставших слишком многочисленными. Они составили заговор, перебили весь свободный народ и господ и так, став хозяевами города, овладели очагами господ, вторглись в государственные дела, переженились и, хотя сами свободными не были, объявили об освобождении рабов. ...Слух о преступлении рабов распространился повсюду, это был устрашающий пример для всего мира» [8, № 3/54 (18, 4)].

Весьма характерно при этом и заявление Иова: «Если я пренебрег правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною, то что стал бы я делать, если бы Бог восстал (на меня)?.. Не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его (слугу - И. Р.), и равно образовал нас в утробе» (31.13-16). Подобные идеи глубоко чужды обществу Старого порядка. Они тогда могли родиться лишь в Финикии.

Источники и литература:

1. Рижский М. И. Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука, 1991. – 248 с.
2. Библейская энциклопедия. Репринтное издание [Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. – М., 1891]. – М.: Терра, 1990. – 1028 с.
3. Аверинцев С. С. Иов // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – с. 553-554.
4. Glatzer N. The Book of Job and its interpreters: Biblical motifs. Cambridge, 1966.
5. Поэзия и проза Древнего Востока. – М.: Художественная литература, 1973. – 560 с.
6. Левитан Е., Мамуна Н. Сокровища корабля Арго // Наука и жизнь, 1988, № 1. – С. 130-134.
7. Мифы народов мира. В двух томах – М.: Советская энциклопедия, 1980.
8. Юстин. Эпитома Помпея Трога // Вестник древней истории, 1954, № 2–4; 1955, № 1.